

НАШ

П. И. Чайковский

В прошлом году мне удалось побывать в Ленинграде, и я не смог удержаться от соблазна заглянуть в магазин пластинок на Невском проспекте. Слышу английскую речь. Оглядываюсь: иностранцы. Хотят купить сувенир, что-нибудь специфически русское. Уже приобрели забавных матрешек, а чего-то главного не хватает. Продавщица, улыбаясь, разводит руками: дескать, в школе учила немецкий... Покупатели не собираются уходить с пустыми руками.

Но любители музыки, наверное, и на Марсе найдут общий язык. Первый концерт Чайковского, оказывается, у всех уже есть. Рослого нигерийца интересует «Свон лейк» («Лебединое озеро»). Советую четвертую симфонию П. И. Чайковского. Не вижу энтузиазма. Разъясняю: композитор разрабатал в финале песню «Во поле березонька стояла». Ослепительные улыбки: кто же не слышал в Африке о русской пальме!

Итак, пластинки куплены. Расстаемся, довольные покупками и друг другом.

Пройдет время, возвратится нигериец в свои саванны, и однажды в вечернее небо, над баобабамы поплывут неповторимые звуки чарующей музыки. Они дойдут до самого сердца, овеют его задумчивой грустью далеких русских берегов. Ведь сердца у всех людей на земле одинаковые: добрые.

Слава великого композитора прощумела по всей Европе и Америке еще при жизни. Чайковский заставил признать русскую музыку, ее место в общемировой музыкальной культуре. Полпред музыки, русский артист, который с честью поддерживал во всех музыкальных центрах мира знамя родного искусства, — таким видится нам сегодня образ Чайковского.

...Германия. Ранним утром во двор лейпцигской гостиницы, в которой остановился русский композитор, явился целый военный оркестр, устроивший на морозе серенаду в честь галантливого гостя. И — запись в дневнике: «Боже мой, как я люблю нашу Русь, милую, дорогую!».

...Париж. Овация восторженной публики. И строка из письма: «Я не выдержал и удрал бы домой, если бы не мысль, что в лице моем чествуется русская музыка».

...Прага. Цветы, перевязанные трехцветными лентами. От вокзала до отеля не смолкает стоустый клич: «Слава!» И опять дневник: «Все это совсем не мне, а голубушке-России».

1891 год. Из Гаврского порта вышел в очередной рейс пароход «Бретань». Среди пассажиров — Чайковский. Курс — Нью-Йорк. Нет, не был очарован Петр Ильич тем, что мы сегодня называем «американским образом жизни», а увиденные им мешки с золотом композитор непочтительно сравнивает с «мучными кулями» в купеческих амбарах. Да, ему, Чайковскому, в «общем» нравится Нью-Йорк, здешние жители, его трогало их гостеприимство и дружелюбие, но «мысли и стремление одно: домой, домой!».

1893 год. Последнее путешествие. В Лондон съехался весь цвет музыкальной Европы. Чайковскому присуждается почетное звание доктора музыки Кембриджского университета. Музыка к шекспировским «Гамлету», «Ромео и Джульетте», «Буре», к байроновскому «Манфреду» написали не английские композиторы, а П. И. Чайковский. А «Итальянское каприччио», немецкая «Мощь тиана», польская «Большая соната», французская «Орлеанская дева» и многие-многие другие произведения?! Это ли не яркое свидетельство подлин-

ного интернационализма творчества великого русского композитора!

Будучи интернационалистом, великий сын России был пламенным патриотом своей Родины.

П. И. Чайковский был любим и почитаем А. Чеховым, И. Левитаном, Л. Толстым. Вот как последний слушал его первый квартет.

После окончания первой тасты, скрывая волнение, автор бросает взгляд на сидящего рядом Льва Николаевича. Лицо писателя сосредоточено, глаза под нависшими бровями полузакрыты, узловатые руки крепко впились в подлокотники кресла. Не шевелясь, Толстой напряженно ждет продолжения. В анданте широкой родной разливается лирическая мелодия протяжной песни «Сидел Ваня на диване». Петр Ильич уже не может полностью сосредоточиться на исполнении, он с тревогой наблюдает, какое же впечатление производит его музыка на великого писателя. И вдруг Толстой быстро опускает голову и, прикрывая глаза рукой, плачет, плачет навзрыд...

Какими нелепыми кажутся в сиянии музыки Чайковского выверты снобов прошлого и настоящего. Они свысока смотрели до революции на простой народ, участь которого, по их мнению, копаться в навозе, но

не судить о достоинствах классической музыки. Куча пресыщенных «ценителей» из эксплуататорских классов считала своей дворянской привилегией понимание искусства и музыки. В старой Сызрани пианино звучало, пожалуй, лишь в актовом зале гимназии да в домах у некоторых местных тузов. Помните, как Алеша Пешков часами простаивал перед барскими окнами, наслаждаясь волшебными звуками, написанными человеком, имени которого он не знал.

Не знала и не ведала о Чайковском и засызранская и закрымзенская гольтьба, веселящаяся под гармошку где-нибудь у грязного кабака или трактира.

Теперь Чайковский пришел в каждый дом, в каждое сердце.

В нашей школе много ребят, которые любят музыку. Когда я вижу их пытливые, чистые глаза, я думаю о том, кто когда-то писал: «Я желал бы всеми силами души, чтобы музыка моя распространялась, чтобы увеличилось число людей, любящих ее, находящихся в ней утешении, подпору»...

Это время пришло. Идя в свое коммунистическое завтра, мы с любовью и благодарностью несем в наших сердцах бессмертную музыку Петра Ильича Чайковского.

М. Бельферман,
учитель.

«КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ»
Г. СЫЗРАНЬ

— 7 МАЯ 1955